

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Чжао Пэнсян
на тему: «Становление норм полуслитных (дефисных) написаний в
русской орфографии XIX–XX вв.»
по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России»
10.02.01 – «Русский язык»

Актуальность темы диссертационного исследования ЧЖАО Пэнсян не вызывает никакого сомнения. Как известно, в последние десятилетия велась активная работа по нормализации русской орфографии. В частности, в настоящее время ведется работа по созданию свода правил русской орфографии – первого в истории (в очередной раз напомню, что, хотя некоторые из предыдущих сборников правил русской орфографии торжественно назывались «сводами», на самом деле они не были таковыми, а представляли собою, по существу, лишь сборники разрозненных правил). Один из самых обсуждаемых разделов нового свода — раздел, касающийся слитных, дефисных и раздельных написаний языковых единиц. Работа над этим разделом предполагает учет различных подходов к кодификации норм, регулирующих выбор между слитным, дефисным и раздельным написанием. В диссертационном исследовании ЧЖАО Пэнсян детально рассматривается история становления норм дефисных написаний (ЧЖАО Пэнсян вслед за рядом других исследователей называет их «полуслитными»), и представляется, что произведенный обзор способствует более ясному пониманию проблем, возникающих при кодификации этих норм, и должен быть учтен кодификаторами. Результаты работы могут быть полезны и для методики обучения грамотному письму. Это обуславливает **практическую значимость** диссертации.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней сведены воедино различные концепции закономерностей употребления

дефиса, что позволит в будущем дать лингвистическое обоснование правилам его применения.

Произведенное впервые подробное описание истории становления норм дефисных написаний обусловило и **новизну** диссертации.

Достоверность и **обоснованность** большинства научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, подтверждена анализом многочисленных языковых примеров.

Я, разумеется, не буду пересказывать содержание исследования, отмечу только, что **структура** работы в целом отвечает поставленным в ней задачам. Работа написана хорошим языком и читается с большим интересом. Можно заключить, что поставленные в работе **задачи** оказались выполнены и **цель** достигнута.

В то же время хотелось бы высказать ряд **замечаний**.

Поражает, что, учитывая разные источники, автор диссертации не упоминает и не включает в библиографию два словаря: «Грамматический словарь» А. А. Зализняка и «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. Чельцовой. Между тем, как известно, эти два словаря утверждены правительством России в качестве источников, отражающих нормы русского языка (в том числе орфографические), обязательные при его использовании в качестве государственного, и в них содержится много материала, непосредственно относящегося к дефисному написанию языковых единиц. Эта лакуна особенно удивляет на фоне того, что автор диссертации уделяет гипертрофированное внимание «Правилам...» 1956, неоднократно подчеркивая, что они узаконены «на государственном уровне» (стр. 10, 24, 28, 84, 185). Понятно, что нормы русской орфографии не зависят от решений государственных властей какой бы то ни было страны. Однако названные мною словари более или менее адекватно отражают установившуюся орфографическую норму и, как кажется, должны приниматься во внимание не в меньшей степени, нежели разного рода справочники и сборники правил.

На протяжении всей работы автор диссертации (впрочем, вслед за многими другими специалистами) исходит из дихотомии «узус (узуальная норма, под которой понимается то, что типично в узусе) — кодификация». При таком подходе теряется различие между двумя типами несоответствия узуса и кодификации: отклонений от орфографической нормы, часто встречающихся в узусе, т. е. «распространенных ошибок», и неудачной кодификации, т. е. ситуации, когда кодификация не дает адекватного описания сложившейся нормы (можно сказать, что первый тип несоответствия обусловлен «несовершенством пишущих», а второй — «несовершенством кодификаторов»).

Соответственно, в работе нет четкого различения трех типов орфографических норм: императивных норм, когда норма вполне сложилась и представляет собою объект консенсуса грамотных носителей языка (независимо от того, адекватно ли отражена эта норма в кодификации), неустановившихся норм, когда в узусе наблюдается вариативность и отсутствует консенсус грамотных носителей языка в отношении нормативности того или иного написания, и вариативных норм, когда грамотные носители языка признают нормативными конкурирующие написания (часто в зависимости от трудно устанавливаемых факторов). Разумеется, границы между этими тремя типами орфографических норм часто оказываются нечеткими, и особенно размытость границ ощущается в ситуации выбора между слитными, дефисными и отдельными написаниями. Но с общетеоретической точки зрения кажется полезным различение этих трех случаев.

Подсчеты на основе НКРЯ чреватые той опасностью, что в НКРЯ «в одну кучу» свалены тексты совсем разного статуса. Некоторые инструменты НКРЯ позволяют дифференцировать подсчеты, но автор диссертации даже не пытается это сделать, так что, скажем, в узус XIX в. попадают тексты, изданные в XIX в., но не частная переписка того же времени (не вошедшая в НКРЯ).

Во «Введении» автор диссертации, рассматривая историю изучения функций дефиса, справедливо отмечает, что многие авторы указывают на то, что по существу дефис имеет разные ипостаси, некоторые из которых должны описываться в правилах орфографии, а некоторые — в правилах пунктуации. Далее, как можно понять, автор диссертации ограничивает предмет рассмотрения правилами орфографии (хотя и без специальных оговорок). В связи с этим вызывает некоторое удивление, что автор диссертации рассматривает и дефис при редупликации (*эле-эле, едва-едва*). Ведь дефис при редупликации явно относится к правилам пунктуации, и конкуренция здесь не между слитным, дефисным и раздельным написанием, а между дефисом и запятой (это легко увидеть из многочисленных примеров из НКРЯ, напр. на сочетании *где-где* и *где, где*). При кодификации эти примеры часто не отделяются от примеров сложных наречий с повторяющимися корнями (такими, как *мало-помалу*), но именно при точном повторе до сих пор существует вариативность. Так, автор диссертации пишет: «В середине XIX в. устанавливается дефисное написание наречий, содержащих повторение того же самого слова (например: *едва-едва, ртѣдко-ртѣдко, чуть-чуть, высоко-высоко, долго-долго, тихо-тихо*)». Отвлекаясь от не вполне ясной формулировки («наречий, содержащих повторение того же самого слова» — так одно это слово или два?), замечу, что написание таких конструкций и после середины XIX в. через запятую вполне обычно. Напр., в НКРЯ:

- Редко, редко в малую зону являлся фельдшер и проводил прием температурающих. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]
- И большая птица уже тут как тут: расправила крылья, подхватила Галю и умчала ее снова в небо высоко, высоко, оставив пораженных ужасом воинов и жрецов. [Л. А. Чарская. Галина правда (1912)]
- — И долго, долго молчала, не шевелилась... [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

- Посмотри, как они расходятся! Тихо, тихо! [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)]

Автор диссертации совсем не рассматривает написание собственных имен. Между тем в собственных именах становление норм дефисного написания до сих пор не завершено. Во многих справочниках советского времени рекомендовалось написание *Ван-Гог* и *Ван-Дейк* (именно они кодифицированы в «Правилах...» 1956). Сейчас в целом преобладает написание без дефиса: *Ван Гог* и *Ван Дейк*, рекомендованное, среди прочего, в ПАС. Но в узусе до сих пор стабильности нет, и представляется, что консенсуса грамотных носителей языка на данный момент тоже нет. (Кстати, можно заметить, что в соответствии с «Правилами...» 1956 автор диссертации по-русски должен был бы обозначаться как ЧЖАО Пэн-сян; однако эта норма перестала соблюдаться еще в 1970-е и сейчас может быть признана безнадежно устаревшей.)

В связи с этим можно упомянуть, что автор диссертации подробно рассматривает написание сложных существительных, в которых первая часть совпадает с формой повелительного наклонения глагола. Но включение в рассмотрение имен собственных, напр. персонажа повести Алексея Свирского «Рыжик» (кстати, повесть входит в НКРЯ), носившего прозвище *Не-Кушай-Кашу*, позволило бы уточнить некоторые формулировки (правда, строго говоря, с формой повелительного наклонения глагола в этом прозвище совпадает не первая, а вторая часть, а первая часть восходит к отрицательной частице).

Автор диссертации именуется главы работы «Слитное и дефисное написание сложных существительных», «Слитное и дефисное написание сложных прилагательных», «Дефисное написание наречий» «Дефисное написание частиц и постфиксов». Такой параллелизм может ввести в заблуждение, потому что относительно существительных, прилагательных и наречий обсуждается наличие/отсутствие дефиса внутри соответствующего существительного, прилагательного или наречия, а относительно частиц и

постфиксов — наличие/отсутствие дефиса при соединении их с другой единицей.

Это замечание может показаться придиркой. Более существенным представляется не вполне четкое различие частиц и постфиксов. Дело здесь не в терминологии, а в том, что иногда частица и постфикс совпадают материально. Так, автор диссертации называет элемент *же* в отождествительных местоимениях типа *тот же, такой же* и т. п. «усилительной частицей». Конечно, существует традиция называть элементы, при помощи которых образуются производные местоимения (*-то, -либо, -нибудь*) «частицами»; но если различать частицы и постфиксы, то элемент *же* в сочетаниях типа *тот же, такой же*, несомненно относится к постфиксам, и лишь установившаяся традиция писать его отдельно мешает осознать этот факт.

Этот элемент даже этимологически отличается от частицы *же* и характеризуется совсем иными языковыми свойствами: в частности, позиция частицы *же* даже и в современном языке подчиняется закону Ваккернагеля, тогда как постфикс *же* следует непосредственно за производящим местоимением.

Во «Введении» автор диссертации цитирует М. В. Панова, считавшего, что постфиксы *-либо* и *-нибудь* (он квалифицирует их как частицы) должны бы писаться отдельно, но делавшего исключение для постфикса *-то* на том основании, что это позволяет избежать неоднозначности: «Необходимость отграничить частицу *-то* от местоимения *то* заставляет сохранить дефисное написание этой частицы; в противоположном случае двусмысленные написания стали бы обычными». Можно заметить, что раздельное написание элемента *же* тоже ведет к неоднозначности: *Туда же пошел Петя* (1) ‘Ведь туда пошел Петя’; (2) ‘Петя пошел в то же самое место’.

Сказанное не означает, что я призываю постфикс *же* писать через дефис. Здесь написание вполне установилось, и нет необходимости без нужды

изменять его. Однако приходится признать, что написание этого постфикса через дефис, встречавшееся в узусе, было более «логичным».

Впрочем, необходимо отметить, что в отношении квалификации элемента *же* автор диссертации полностью следует за традицией, в соответствии с которой даже в «Активном словаре русского языка» русского языка, выходящем под редакцией акад. Ю. Д. Апресяна, частица *же* и постфикс *же* описаны в рамках одной словарной статьи (автор статьи — такой блестящий лингвист, как И. Б. Левонтина, один из самых тонких исследователей современного русского языка).

В отношении единиц с первой частью *пол* автор диссертации, похоже, не вполне различает две ситуации: когда *пол* представляет собою числительное, лишь по традиции пишущееся слитно с последующим существительным слитно (за исключением случаев, когда исключения и корректирующие правила предписывает писать его через дефис или отдельно: *пол-лимона*, *пол-яблока*, *пол-Москвы*, *пол чайной ложки*), и когда *пол* представляет собою первую часть сложного слова. Поэтому, когда автор диссертации обсуждает написание *пол-литра* и *поллитра*, он, возможно, не учитывает различия двух случаев: когда речь идет о единице измерения объема, вдвое меньшей чем литр, и когда имеется в виду бутылка водки объемом в пол-литра; автор диссертации считает последнее написание отклонением от кодифицированной нормы и пишет: «Нередко пишется слитно и слово *пол-литра*: на 373 дефисных 72 слитных» (стр. 66). Но слитное написание часто встречается, когда речь идет именно о поллитровой бутылке водки. В этом случае слово *поллитра* обычно склоняется и пишется аналогично слову *поллитровка* (которое во всех словарях, разумеется, пишется слитно, вопреки букве кодификации в правилах). Ср.:

- Водитель мой сказал: до войны в деревне такой бюрократизм был, что без поллитры никто справки не напишет в колхозе. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

- Как же оздоровить в один день — в вас жары сорок градусов, как в поллитре, разве выйдет сразу. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]
- Ныне черта можно за поллитру купить. [Борис Екимов. Пиночет (1999)]
- Разогрев еду, старшой достал из запасов поллитру спирта, молча налил полную кружку, вынул нож из ножен, полоснул по руке, кровью спирт разбавил. [В. П. Астафьев. Бойе (2015)]

В именительном падеже в этом же значении употребляется форма *поллитра*:

- А по предместью покотился праздник — привычным, на века устаканенным порядком, как, бывает, катится под вечер с горки початая поллитра. [Валерия Иванова. Льдинки // «Сибирские огни», 2012]
- Мужики били Толю-якута по спине. "С тебя поллитра!" — говорили. [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)]

Ср. несклоняемое употребление:

- Нет никому веры, да и наездники ненадежны, боятся друг друга, боятся ОБХСС, боятся дирекции. А главное — продадут тебя за поллитра. [Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976–1981)]
- Без поллитра не разберешься... [Екатерина Выхухолева, Мария Игнатова, Марина Смовж. Налоги на вредные привычки. Цена сигарет, водки и бензина вырастет после Нового года (2002) // «Известия», 30.12.2002]

Как легко видеть, два последних замечания указывают лишь на то, что автор диссертации иногда некритически следует за традицией, принятой в подавляющем большинстве руководств по орфографии.

И очевидно, что все замечания не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования и не умаляют его значимости. Можно заключить, что диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (10.02.01 – «Русский язык») по филологическим наукам, а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова; она оформлена в соответствии с приложениями № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель ЧЖАО Пэнсян заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (10.02.01 – «Русский язык»).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник, заведующий отделом культуры русской речи
ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова
РАН» _____

ШМЕЛЕВ Алексей Дмитриевич

17 февраля 2022

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:

119019, г. Москва, Волхонка, д. 18/2,
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН, отдел
культуры русской речи
Тел.: +7 (495) 695-2660